

О КНИГЕ АНДРЕЯ БЕРЕЛОВИЧА «ИЕРАРХИЯ РАВНЫХ. РУССКАЯ ЗНАТЬ ПРИ СТАРОМ РЕЖИМЕ (XVI–XVII века)» (Berelowich André. La hiérarchie des égaux. La noblesse russe d'Ancien Régime (XVIe–XVIIe siècles). Éditions du Seuil. Paris, 2001. — 480 p.)

На фоне многочисленных исследований, посвященных истории русской знати XVI–XVII в., недавно вышедшая монография А. Береловича, сотрудника Практической школы высших исследований (Париж), автора ряда работ по истории России предпетровской поры, выделяется как сравнительно-историческим подходом, позволяющим увидеть специфику изучаемых процессов в контексте их сопоставления со сходными явлениями в других странах Европы и мира, так и стремлением анализировать известные факты и тенденции жизни российского общества не только традиционными для социальной истории методами, но и под углом зрения истории общественного сознания, социо- и этно-психологии. Другими словами, характерные черты мировосприятия и социального поведения русской знати, ее нравственные установки, представления о своем месте и своей роли в обществе интересуют автора рецензируемой книги не меньше, чем структура правящего класса России, его имущественное положение, участие во властных институтах, динамика изменений его состава на протяжении рассматриваемого периода. С недоверием относясь к генерализующим схемам исторического процесса, которые основываются на признании неких единых для всего человечества принципов эволюции, А. Берелович отмечает, что «историческое развитие России... вплоть до настоящего времени осуществлялось по иным законам, нежели те, которые управляют западноевропейским обществом» (С. 24). В подтверждение этой мысли он приводит несколько примеров из прошлого. Не одни только московские государи вознаграждали свою служилую знать земельными пожалованиями. Такой распространенный на Руси их тип, как поместье, очень напоминает знаменитый каролингский бенефиций, которым представители франкской знати могли владеть при условии выполнения определенных служб короне. Однако последствия подобного рода пожалований оказались для двух монархий прямо противоположными: франкские сеньеры, превращая условные срочные пожалования в наследственные и используя их, в первую очередь, для создания слоя зависимых уже не от короны, но от них самих людей (вассалов), превращались в полновластных и практически независимых владельцев больших территорий и тем самым разрушали каролингскую государственность, тогда как держатели поместий в России XVI–XVII в. постоянно сохраняли непосредственную зависимость от престола, который, хотя и допускал поместий передачу по наследству, тем не менее именно благодаря поместной системе сумел сохранить свою власть в изменившихся исторических обстоятельствах. Другой и еще более показательный пример — судьба лично зависимых крестьян. В средневековой Западной Европе различие между сервами и лично свободным сельским населением постепенно стиралось по мере усиления господства сеньеров над крестьянством как целым в условиях ослабления королевской власти. В России, наоборот, именно монархия, по настоянию и в интересах господ, закабаляла шаг за шагом крестьян, лишая их права распоряжаться собой и приравнивая к холопам, категории лично зависимых людей, известной еще с X в. (С. 20–21).

Исследуя специфику исторического пути России накануне нового времени, А. Берелович справедливо предлагает пойти дальше того, что можно было бы назвать внешними, «объективными» чертами ее гражданского быта, и проникнуть в духовные структуры российского общества. Ибо «москвитов решительным образом отделяет от их современников на Западе, — пишет А. Берелович, полемизируя с давними, идущими еще от герцога Сен-Симона и Вольтера характеристиками допетровской России, — не их мнимое «варварство», но иное понимание пространства, времени, отношений между людьми и институтами, которые этими людьми управляют» (С. 404). Уделяя

большое внимание такому явлению в жизни русской знати XVII в., как местничество, А. Берелович далек от того, чтобы видеть в нем ничего не значащую (*futile*) борьбу честолюбий спесивого барства; напротив, он рассматривает местничество как институт, краеугольный для понимания жизни и социального поведения русской знати, призванный регулировать отношения между различными ее кланами. Именно честь клана (*l'honneur du clan*), т. е. рода, который представляет то или иное лицо, составляет главный объект борьбы в хорошо известных по русской истории местнических спорах и тяжбах (С. 61). Отстаивая право на первенство при занятии мест на пирах, во время приемов послов, торжественных выходах государя и т.п., а также при распределении государственных, административных и военных постов, при назначении земельных пожалований и денежного довольствия, знатный человек выступал не сам по себе, но как воплощение рода, интересы которого он обязан был защищать. «На Руси именно роды (*les lignages*) являются действующими силами при дворе», ведущими борьбу при посредстве индивидуумов; и дело не в том, что личность в московском обществе XVII в. не воспринималась в качестве «самодостаточного целого» (*comme une entité autonome*), а в том, что честь личная и честь рода, по справедливому наблюдению А. Береловича, не разделялись постольку, поскольку они дополняли друг друга (С. 379, 382). Причем, род — это не просто совокупность наличных представителей той или иной фамилии, его членами, пусть и незримыми, продолжали оставаться умершие, уходящие в прошлое поколения предков, которые так же, как и живые, являлись носителями чести рода (С. 396, 399). Понижение места в иерархии знати наносило ущерб достоинству не только конкретной персоны, но и всего представляемого ей рода, в интересах которого прежде всего (а не исключительно своих собственных) она должна была добиваться реституции своих прав, или возвращения ей места, полагающегося «по отечеству». Как показывает А. Берелович, «коллективный капитал престижа, имеющийся у каждого рода», требовал от его членов умения распорядиться этим своим наследством; но, в конечном счете, только через царскую службу лицо могло прирастить свое собственное достоинство к выгоде для своего рода (С. 53), которое таким образом становилось не индивидуальным, но общим достоянием.

Именно защитой этого достояния были спровоцированы знаменитые местнические споры и склоки. В целях его отстаивания принадлежащие к привилегированному сословию люди, не исключая верхов аристократии, готовы были идти на самые крайние, по их понятиям, шаги и заявить о несогласии с негодным им распределением мест, служб, пожалований, подвергаясь риску быть битыми палками или батогами, заключенными в темницу и даже отправленными в ссылку и лишенными имущества (С. 368). Князь Иван Васильевич Голицын был наказан ссылкой и конфискацией имущества за отказ сесть ниже князей Ивана Шуйского и Дмитрия Трубецкого на свадебном пиру Михаила Романова (сентябрь 1624 г.). Готовность принять, если не мученичество, то великие тяготы и лишения, показывает, сколь важна была для достоинства лица честь рода, которой оно готово было пожертвовать собой и своим достоянием. В этой системе ценностей вполне понятна будет жестокая обида Петра Басманова на то, что он был обойден и поставлен всеильным Семеном Никитичем Годуновым под командование князя Андрея Телятевского, зятя Годунова, хотя дед этого Телятевского дважды был под началом отца Басманова; жалуясь на учиненную над ним несправедливость, Петр Басманов заявлял, что предпочитает смерть такому позору (С. 80). Его переход в мае 1607 г. на сторону незадолго перед тем разбитого Лже-Дмитрия во многом способствовал успеху самозванца.

Как показано в книге, в укреплении местнической иерархии было заинтересовано русское самодержавие, сохранявшее в то же время за собой право регулировать ее по своему усмотрению и пресекавшее любое поползновение не подчиниться его распоряжениям; однако и высшей аристократии это наследование «по отечеству» социального статуса, более того, конкретного места в государственных структурах и армии, давало огромные преимущества, не только ограждая ее от

стремления низкородных выскочек (*les parvenus de petite naissance*), проникнуть «наверх», но и заставляя монарха считаться с ее закрепленными традицией правами (С. 334). Впрочем, смысл этой системы местничества и построенной на его основе иерархии не может быть исчерпан сугубо рациональными соображениями и интересами тех или иных социальных сил, ибо она представляла собой нечто большее, некий способ, если угодно, постижения мира (*une façon de lire le monde*), ибо, по словам А. Береловича, сообщая определенный порядок числовой последовательности всему — крепостям на границах страны, кварталам города, различным частям государева дворца, — она преобразовывала объект в знак, неорганизованное пространство — в ристалище чести, в котором знатный человек обретал родную почву; определяя положение каждого путем совмещения местнической иерархии с его родословием, она помогала придворным испоместить себя во времени и пространстве (С. 401), а в более общем плане — приручить реальность (*apprivoiser le réel*), «символическим образом освоить русское пространство, такое обширное и такое пустынное» (С. 331). Словом, местничество в качестве важнейшего общественного института, наложившего печать глубокой самобытности на весь уклад гражданской жизни Московской Руси, может быть интерпретировано в его более глубоких взаимосвязях — как отражение в социальном поведении укорененного в сознании русского человека типа мировосприятия. А это уже нас приближает к пониманию фундаментальных социально-культурных черт русской цивилизации позднего средневековья.

Специфический характер принимают отношения между российским сувереном и его подданными. По наблюдению А. Береловича, московитская знать служит верховной власти не только потому, что получает за эту службу вознаграждение (в виде земель или денег), но, прежде всего, в силу обязательств религиозного свойства, которые она несет в отношении государя с рождения; так же как и пожалования из казны дворянству рассматриваются не в качестве возмещения за труды, или заработной платы, но, скорее, в качестве признания, выраженного объемом земельного пожалования или денежной суммой, статуса лица, его ранга в иерархии, а равно и выполненных им служб (С. 202, 203). В отличие от Западной Европы, где между монархом и его подданным стояла корпорация, к которой подданный принадлежал, на Руси царь властвовал непосредственно над индивидуумами, не терпя никаких социальных институтов, которые умаляли бы его власть; со своей стороны, подданные такого монарха, даже в условиях роста бюрократии, выступающей от лица государя, продолжали ощущать личную связь с ним (С. 256, 257) и, добавим, воспринимать его не в абстрактном образе некой безличной власти, но гораздо более интимно, как отца, пекущегося о своих чадах и домочадцах. И, наконец, — и на это тоже обращает внимание автор монографии — отсутствие дуэлей как способа решения конфликтов в среде знати непосредственно заинтересованными сторонами, что имело широкое распространение в Европе, объясняется опять же особенностью политического и социального строя Московского государства, в котором государь, присвоив себе право мести (*le droit de vengeance*), сделался блюстителем достоинства всех и каждого, и к нему, не терпящему никакого ущемления своих прерогатив, следовало обращаться для решения любых вопросов чести (С. 378, 379).

Так, шаг за шагом А. Берелович выявляет контуры, которые принимала русская цивилизация в позднее средневековье. Речь, правда, пока не может идти о ее целостном и всестороннем описании; автор, впрочем, и не ставил перед собой такой задачи. Важно то, что изыскания в этом направлении были предприняты, и их плодотворные результаты нашли отражение в рецензируемой работе.

Поскольку исследования автора в избранном направлении, надо надеяться, будут продолжены, считаю уместным высказать несколько пожеланий, касающихся разработки отдельных затронутых в монографии вопросов. Стоит обратить внимание на то, что процесс изъятия большой категории уголовных дел, бывших ранее в сферах частного и местного судопроизводства, и отнесение их к компетенции королевского суда на том основании, что они, нарушая установленный законом

порядок, должны быть квалифицированы в качестве преступлений непосредственно против короны («оскорбление величества»), характерен для Франции XIV–XV в. и может иметь типологическую близость с передачей на том же основании в государево ведение всех местнических дел в России XVI–XVII в.

Как представляется, А. Берелович правильно указывает на важнейшую роль религиозного компонента в становлении самосознания русского народа. «Русские, конечно же, сознавали, что они — великие грешники, но это не мешало им в их собственных глазах быть избранным народом (*peuple élu*)» (С. 126), — замечает исследователь. В этой связи стоило бы обратиться к идее «Святой Руси», сложившейся в русской религиозной мысли и заявившей об особом призвании народа и царства русского¹. Так же, как и концепция «третьего Рима», о которой упоминает автор монографии (С. 126. № 29); надо только иметь в виду, что под падением первого Рима, как показывают документы и исследования², эта концепция имела в виду не завоевание германцами Вечного Города, а отход западной (римской) церкви от православной веры во второй половине VIII в., под падением же второго Рима она подразумевала не захват османами Константинополя в 1453 г., а унию с римской церковью, заключенную византийскими иерархами на Ферраро-Флорентийском соборе 1438–1439 г.

Сильной стороной исследования А. Береловича является прочная источниковая база, привлечение им, наряду с большим комплексом документов русского происхождения, также западных материалов, в первую очередь, описаний Российского государства, или Московии, сделанных европейскими путешественниками, такими, как Герберштейн, Боус, Маржерет, Олеарий и некоторыми другими. Жаль, что в этом списке нет имени Де ла Невилля, автора «Записок о Московии», в которых содержатся важные сведения по затронутым в рецензируемой монографии вопросам и которые доступны не только в старых публикациях, но и в новейшем критическом издании³.

Работа А. Береловича — несомненно, важный этап в изучении русского мира предпетровской поры. В ней явственно обозначилась потребность целостного взгляда на этот мир, открывающего в нем самобытную цивилизацию, черты которой, как удалось показать автору, отчетливее проступают при их сравнительном анализе с выработавшимися в Западной Европе и других регионах мира (Византии, Армении, Индии) формами гражданского быта и общественного сознания.

¹ *Kämpfer F.* La «Sainte Russie» vue par Europe occidentale: l'image de la chretienté russe en Occident et le concept de «Sainte Russie» // 988–1988: un millénaire. La christianisation de la Russie ancienne. Paris, 1988. P. 197–208; *Синицына Н. В.* Два мира: возможность взаимопонимания // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 35–62.

² Идея Рима в Москве XV–XVI века. Источники по истории русской общественной мысли. Roma, 1989; *Малинин В. Н.* Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев, 1901; *Синицына Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI в.). М., 1998.

³ *Neuville De la.* Relation curieuse et nouvelle de Moscovie. Paris, 1698; *Невилль Де ла.* Записки о Московии. Предисловие, подготовка текста, перевод и комментарии А. С. Лаврова. М.; Долгопрудный, 1996.